

К сожалению, любимые актеры и актрисы стареют. Но по-прежнему узнаваемыми и волнующими остаются блеск глаз, голос, темперамент. В них живет, светится и звучит неведомое нам, далекое прекрасное прошлое. Людей держат на плаву не только радужные надежды, но и хорошие воспоминания. Как же надо жить, чтобы будничное настоящее переплавлялось в красивое прошлое! Об этом наш разговор с Марией Владимировной Мироновой.

— В спектакле, в котором я сейчас репетирую, в моей героине есть фраза: «Жизнь — это, в общем, простая штука». Так что ничего супернового и оригинального я вам не скажу. Мне помогает жить семья. Ее нет, но она была на протяжении сорока пяти лет, и от нее еще идут свет и тепло, как от погасшей звезды. Если бы не Александр Семенович Менакер, вы бы, наверное, не сидели здесь и не задавали бы мне вопросов. Вероятнее всего, вы бы вообще обо мне не знали. У меня был замечательный друг, муж, художественный руководитель, завлит, заведующий музыкальной частью — все в одном лице. Только теперь я могу открыть, кто же в действительности первенствовал в нашем дуэте, — при жизни он бы мне этого не позволил. Когда сегодня таксисты не берут с меня денег, это заслуга исключительно Александра Семеновича. Спасибо мое, что именно он в меня влюбился. Могло получиться — Менакер и Иванова. Или Сидорова. Очень просто. Но Менакер был бы все равно.

— А вас бы не было! Вы настолько не уверены в собственной самооценки!

— Я не считаю себя особо хорошей актрисой. Разве что приличной. К моменту нашего знакомства имя Александра Менакера писалось на афишах аршинными буквами, а мое — внизу, петитом, там, где «при участии и др.» Но он всю свою дальнейшую жизнь самоотверженно и бескорыстно посвятил моей карьере.

— Но в вашей стойкой, неослабевающей популярности есть же и ваша личная заслуга!

— Безусловно, заслуга есть. Она в том, что я мать своего сына. Вы знаете, я сейчас особенно «популярна» в двух местах — на Ваганьковском кладбище и на Черемушкинском рынке. На рынке мне постоянно что-нибудь дарят: лимоны, вырезку, вот тапочки на мне, очень нарядные вязаные перчатки, просто цветы... Отказаться невозможно, люди страшно обижаются. На кладбище ко мне подходят, заговаривают, желают здоровья. Наверное, будь у меня силы ходить по улицам, я бы и там ощущала свою «популярность». Мне приходит, как и прежде, немало писем. В основном от людей значительно моложе меня. Для них я мама Андрея Миронова. Так что моя «популярность» — это ответ любви к моему сыну.

— За последние несколько лет от нас ушло много прекрасных, даже великих актеров. О них помнят, отмечают даты рождения, смерти. А Андрей Миронов на экране постоянно, без всяких специальных поводов. Хотя «тайна сия велика есть», но все-таки как вы для себя объясните феномен этой непреходящей любви!

— Чем реже встречаются качества, которыми в полной мере обладал Андрей — мягкость, доброта, человечность, — тем он нужнее. Он получил их от отца.

А его отец — от своего отца. Не говорю уже о том, что Андрей был редким актером, актером на все времена. Явлением в искусстве. При его жизни наша

— Абсолютно. Я думаю, мне оказывают почтение просто в силу моего возраста. И помогают, если обращаюсь с какой-нибудь общественной нуждой, Я сочувствую этим людям. Очень трудно управлять страной, где никто не хочет подчиняться. До революции у нас в доме был дворник Наполеон Иванович. После октябрьского переворота его «повысили» до звания рядового жильца. Однажды я у него спросила, как дела. Он, глядя на вы-

театр Табакова, вы сразу же оказались в «Школе современной пьесы» у Райхельгауза. Насколько велико желание действовать! Вы не устаете!

— Конечно, устаю. Тем более что перенесла недавно тяжелую операцию. Я очень тихо ушла от Табакова. Прежние спектакли, в которых я была занята, «по техническим причинам» распались. В перспективе у меня была только Нянча из «Последних» Горького — безмолвное существо,

Помните, там после аварии клубника стала с яблоко, яблоки — с арбуз. Так и у нас. Артисты раздуваются на глазах. И на глазах становятся хуже.

— Мария Владимировна, дружная, любящая семья хранит вас в самые тяжкие времена. Сегодня для людей практически утрачено былое значение и страны, и семьи. С чего, на ваш взгляд, следует начать восстановление!

— Для того чтобы восстанавливать семью и общество, нужны люди. Рада была бы ошибиться, но я не слишком верю в сегодняшнюю молодежь. Они напоминают мне саженцы с хилым корнем. Нет, из некоторых точно вырастут дубы. Но из немногих. А из большинства — хлыстики... И в этом, видимо, наша вина. Мы часто жалуемся, что молодые не уважают стариков. Но ведь и старики не любят молодых. У нас всеобщая тотальная нелюбовь друг к другу. Сила Андрея заключалась именно в том, что он умел любить. Людей вообще: пожилых, молодых, хороших и не очень, друзей, зрителей... Недавно я проезжала мимо нашего дома на Петровке, где Андрюша родился, и вырос. Там барельеф работы изумительного скульптора Юрия Орехова. И вдруг я увидела, как проходящий человек снял шапку и перекрестился. Будто перед иконой. Я даже вздрогнула. А это форма памяти, форма благодарности. Любью за любовь.

— Я думаю, вам тоже есть что сказать тем, кто пишет вам добрые письма, здоровается на улицах, чтит память Александра Семеновича и Андрея Александровича. В канун новогодних и рождественских праздников самое время ответить им любовью за любовь.

— Я бесконечно признательна всем, помнящим нашу семью. И поздравляю их с тем, до чего мы дожили, — с обретением Россией своего настоящего имени. У нас уже не жуткая аббревиатура из сплошных согласных букв. У нас — Россия. И это совсем не мало. Вдумайтесь, ведь мы живем в только что родившейся стране. Ей требуется сейчас наша забота. Забота и работа. Я прошу вас: не надо воздерживаться! Особенно, если вы знаете что-то нужное. Я не понимаю наших умных экономистов с кроткими лицами эпохи Возрождения. Они все знают, но ничего не делают. Если бы я знала, я бы продалась... Давайте воспитывать в себе настоящее самоуважение. Сознательно относиться к истории. И пользоваться возможностью выбора, коли уж нам ее предоставили...

В последние годы я начала немного остерегаться праздников. Они становятся bestолово шумными и не в меру ликующими. Можно праздновать победу, а можно — конец войны. Это разные вещи. Для нас сейчас важнее второе. Видимо, как-то не так мы живем на земле, раз и земля у нас становится злой. В ней постоянно что-нибудь взрывается: в Москве — трубы, а где-то — мины и бомбы... Я желаю, чтобы в новом году в России не гибли дети. Чтобы матери не хоронили своих сыновей. Это противоестественно, это самое страшное, что может быть в жизни...

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.

В финале мы должны засмеяться

Известия. - 1994. - 24 дек. - с. 5.

Мария Миронова не считает жизнь простой штукой

клановая критика, а другой у нас, по-моему, не было и нет, этого не признавала. Но время все рассудило. Как ни странно, по достоинству оценивать Андрея начали те поколения, которые практически не застали его на сцене. Для них вдруг оказались важны и дороги эти старые пленки. У Андрея еще большое будущее... К сожалению, мы иногда видим, как очень авторитетные и уважаемые когда-то люди, находясь в добром здравии, выпадают из нашей жизни. Бывает и наоборот: уже прекрасн существование, человек становится нам все необходимее...

— Ваша довольно-таки активная общественная деятельность — это тоже дань «практике» в противовес «теории»? Стоит ли, на наш взгляд, людям искусства открыто обозначать свои политические взгляды и симпатии?

— По-моему, у нас все хорошие начинания уходят в песок именно потому, что на самый простой вопрос, например: «Как бы вы хотели жить?», мы умудряемся дать три разных ответа. Один честно скажет «хорошо», другой, не в меру остроумный, — «плохо», и кто-нибудь, обязательно, — «затрудняюсь ответить». Не смейтесь, я видела это по телевизору собственными глазами. Мне чрезвычайно интересен этот последний, затруднившийся. И не менее интересны «воздерживающиеся» при голосовании депутаты в Думе. Разве их туда выбирали, чтобы они воздерживались? Воздержание похвально в других местах и при других обстоятельствах... Сегодня у нас слишком тяжелая ситуация, чтобы позволить себе отмалчиваться. Я-то считаю, что у нас сейчас нет творческой элиты. Есть элиточка, элитеночка, жалкая и беспринципная. Принадлежащая к партии КВД — Куда Ветер Дует. Я вряд ли увижу светлое будущее, но мне безразлично, состоит оно или нет.

— Вы стали «своим» человеком в кабинетах власти. Это новая для вас ситуация!

битые стекла и сорванные половики, ответил: «Ну что скажу. Обстоит». У нас в стране уже какое десятилетие все «обстоит». Нельзя же вину за это целиком и полностью возлагать на нынешних правителей.

— Сегодня возможности работы и жизни у популярного актера значительно богаче, чем во времена вашего расцвета. Вы не испытываете горечь за недополученные в свое время блага, льготы, просто деньги!

— По отношению к себе — нет. Больше за мужа и сына, тративших последние силы и получавших гроши. А мне выпало такое редкое, небывалое счастье в семье, что сожалеть о чем-то было бы просто грешно. Мы с Александром Семеновичем никогда не гнались за деньгами. Работали полгода в году, чтобы больше быть вместе, заниматься ребенком. Сбережники у нас никогда не было. Правда, была машина. Мы ее «съяли», когда у мужа случился четвертый инфаркт. Я не жалуюсь. Получаю хорошую пенсию. Мне очень помогает наш Дом актера. Если интересуется, куда я вкладываю деньги, пожалуйста: в квартиру, газ, телефон. И такси, чтобы ездить на два кладбища. Бывает, что-то «целенаправленно» продаю — на памятник сыну, например... Просить, собирать бумаги я не умею. Да, была на фронте. На Калининском, где сплошные болота. Выступала в землянке на передовой — огоньки немецких папирос было видно. Голубое, в серебряных звездах платье и скрюченная от приступа радикулита спина. Командарм, сидевший в первом ряду, сказал соседу на ухо: «Хорошая артистка, жаль, что горбатая...» Наверное, можно было оформить какие-то документы, что-то получить, «помочь», как теперь говорят. И необходимость была. Но я поняла, что не вынесу.

— Итак, материальные проблемы вас не слишком пугают. И все-таки, внезапно покинув

всю дорогу сидящее на сцене в кресле. Мне не хотелось завершать свою недолгую и скромную театральную карьеру этим содержательным образом... Хороших возрастных ролей в драматургии вообще не Бог весть как много. А Семен Злотников написал целую пьесу — «Уходил старик от старухи». Мы репетируем в ней с Михаилом Глузским. У меня большая серьезная роль. И совершенно безгримная. Какая есть, такая и буду играть. Вряд ли кто-то захочет искать «нюансы» в моей игре. Скорее всего, удивятся: Миронова? Неужели еще жива? И на сцену выходит! Даже если я сыграю только прилично, ко мне все равно отнесутся со снисхождением. Пьеса мне нравится. Несмотря на то, что в финале Старуха умирает, это все-таки не драма, а трагифарс. Должен быть смех. Во всяком случае, я на это рассчитываю.

— Переход из одного театра в другой осуществился безболезненно?

— Разумеется, нет. Я была вынуждена расстаться с театром Табакова. У меня уже нет времени на творческий «простой» и ожидание. При этом моя симпатия к Олегу Павловичу — и актеру, и человеку — осталась прежней. Я успела привыкнуть к молодой труппе, мне ее не хватало. Все-таки меня можно было бы там активнее задействовать... Хотя бы в педагогических целях...

— Чему вам хотелось бы научить молодых!

— Не актерскому мастерству. Я вам уже говорила, что не нахожусь в зифирой от собственного таланта. Но я многое видела, помню и знаю о подлинной актерской этике, вообще этике в искусстве. Мы живем в эпоху блицкарьер. Съездил за границу, что-то поставил или сыграл и вернулся гением. Недосягаемым. Или, точнее сказать, недо-си-га-ва-емым. Сколько ни сидай, не достигнешь. Такое ощущение, будто актеров коснулся их собственный Чернобыль.